

УДК 81'42

ТЕКСТ ИЛИ ДИСКУРС: ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Буниятова И.Р.,

Гуманитарный институт Киевского университета имени Бориса Гринченко

В статье предпринята попытка привлечь внимание исследователей к актуальным вопросам, связанным с разграничением понятий текста и дискурса, что является крайне важным для современной лингвистики. Рассмотрен широкий спектр определений, предложенных ведущими школами в области коммуникативной лингвистики. Поднят вопрос о существующих трудностях в отделении текста от дискурса. Проанализированы два типа текста для иллюстрации двусмысленности, возникающей в интерпретации этих понятий. Автор также утверждает, что дискурс лежит в плоскости имманентности, а текст — в плоскости реализации.

Ключевые слова: лингвистика, текст, дискурс, традиция, когнитивно-коммуникативная парадигма, комплексное коммуникативное событие, бесконечность, связность, целостность, суперобложка, письма.

У статті здійснено спробу привернути увагу дослідників до актуальних питань, пов'язаних з розмежуванням понять тексту і дискурсу, що є вкрай важливо для сучасної лінгвістики. Розглянуто широкий спектр дефініцій, запропонованих провідними школами у царині комунікативної лінгвістики. Порушено питання про існуючі труднощі у відокремленні тексту від дискурсу. Проаналізовано два типи тексту для ілюстрації двозначності, що виникає в інтерпретації цих понять. Автор також стверджує, що дискурс лежить у площині іманентності, а текст — у площині реалізації.

Ключові слова: лінгвістика, текст, дискурс, традиція, когнітивно-комунікативна парадигма, комплексна комунікативна подія, безкінечність, зв'язність, цілісність, суперобкладинка, листи.

This paper is an attempt to stimulate debate on this issue related to discourse and text delimitation, the latter being of great relevance for to-date linguistics. Regarded is a vast range of definitions proposed by the mainstream researchers in the field of communicative linguistics. The author raises the awareness of the existing difficulties in distinguishing text from discourse. Two types of texts are analyzed to illustrate the ambiguity in text/discourse interpretation practice. One argues that discourse is of the order of immanence, while the text is of the order of realization.

Key words: linguistics, text, discourse, tradition, cognitive communicative paradigm, complex communicative event, infiniteness, coherence, integrity, dustcover, letters.

Постановка проблемы. Стойкий интерес к дискурсологическим студиям в лингвистике последних десятилетий отразился в возросшем количестве публикаций разного формата и, как ожидается, в диссертационных исследованиях. Во многом это объясняется солидным корпусом наработок в лингвистике текста, что позволило применить его процедурный аппарат для анализа дискурса, рассматриваемого как единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста [7, 4]. Следует иметь в виду относительную «молодость» разысканий в дискурсологии, всплеск внимания к которой приходится

на 90-е годы прошлого столетия. В значительной мере этот «недостаток» компенсируется сложившейся практикой других лингвистических дисциплин, обеспечивающих ее теоретической базой и корпусными данными. Широкое применение междисциплинарного подхода в когнитивно-дискурсивной парадигме способствовало расширению представлений о природе дискурса, его структуре, категориях и типологии [3, 215–218; 5; 6; 7; 1; 10; 11; 4]

И тем не менее в лингвистике дискурса существуют трудности, связанные с пониманием самой природы дискурса и прежде всего размежеванием

его и текста, выявлением сущностных признаков его отдельных типов, и что самое главное — разработкой новых техник его анализа. В предлагаемых современному лингвисту разработках, в том числе и в диссертациях, можно встретить смешение жанров — отождествление текстовых образований с дискурсионными, что, несомненно, противоречит главному принципу любого исследования — получению корректных результатов. Последнее определило **цель статьи** — провести водораздел между текстовыми и дискурсивными образованиями. Несмотря на многочисленные разработки по данной проблеме, в общем потоке научных проектов, особенно в диссертациях молодых ученых, по-прежнему наблюдаются попытки выдать текст за дискурс и наоборот.

Анализ последних публикаций. В украинских академических кругах сложилась традиция, ориентированная на достижения как западной, так и российской лингвистики дискурса. Представители Харьковской школы, возглавляемой И.С. Шевченко, изучают дискурс в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы, интегрирующей два вектора анализа: когнитивный и коммуникативный (прагматический). Предлагая рассматривать его как интегральный феномен, как мыслекоммуникативную деятельность, протекающую в широком социокультурном контексте и выступающую как совокупность процесса и результата, исследователи тем самым выстраивают свое, на их взгляд, системное представление о дискурсе, его единицах, уровнях и методах их анализа [12, 28]. Противопоставляя текст и дискурс, И.С. Шевченко утверждает, что текст-результат — это онтологическая сущность, и напротив, дискурс-событие не онтологично, его смыслы конструируются говорящим и слушающим в процессе общения, а их анализ предполагает привлечение данных смежных дисциплин, что соответствует принципам когнитивно-дискурсивной парадигмы [см. также Шевченко 13, 6–12; 14, 313–315; 15, 146–158].

Очевидно, что в такой интерпретации речь идет о дихотомии языка и речи, а текст рассматривается как первый ее противочлен. О сущности текста в системе языкового взаимодействия в свое время замечательно написал А.Е. Кибрик. На его взгляд, объективность ее существования поддерживается лишь возможностью письменной фиксации звуковой цепи и тем самым — осуществимостью пространственно-временного отрыва «текста» от соответствующего дискурса. «То, что обычно понимается под термином “текст” — это скорее артефакт лингвистической теории, нежели действительная сущность. Текст вообще есть гипотетический конструкт лингвистической теории» [8, 46]. Много позже замечательный воронежский лингвист В.Б. Кашкин предложил метафору, подводящую черту под толкованием

текста-языковой сущности. Отвечая на вопрос: дискурс — это речь или текст, он пишет: «Речь — единственная реальность человеческой языковой деятельности, занимаясь же текстами лингвист “препарирует лингвистические трупы”» [6, 6].

Последнее оказывается созвучным хрестоматийному определению дискурса Н.Д. Арутюновой, которое исключает возможность толкования древних текстов как дискурс [2, 136–137]. В этой связи возникает вопрос о том, насколько древними должны быть анализируемые тексты и к какому функциональному стилю они должны принадлежать. Заметим, что исчерпывающие определения дискурса и текста, их размежевание по принципу динамическое vs статическое по-прежнему не снимают разночтения в индивидуальных исследованиях. В научной практике все оказывается значительно сложнее, и здесь, несомненно, определяющую роль играют научные традиции и сформировавшиеся национальные школы.

О конкретных примерах двойственного подхода к размежеванию текста и дискурса речь пойдет ниже.

Изложение основного материала. В современном лингвистическом процессе существуют два устойчивых направления, согласно которым понятия «текст» и «дискурс» (1) четко разделены или (2) отождествлены.

Ср.: (а) дискурс в противоположность тексту не есть конструкт; он включает в себя не только текст, но и разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания [7, 10–16]; дискурс — это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания / текста [11, 135];

(б) дискурс — это текст, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи. Дискурс — это не только связная последовательность предложений, противопоставляемая изолированному предложению, но и определенное семантическое единство, обладающее информационной связностью (когезией) [10, 26].

Обобщая значительное число имеющихся в литературе толкований, Т.А. ван Дейк предлагает различать широкое и узкое толкование дискурса [4]. В первом случае дискурс рассматривается как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры — обыденный разго-

вор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты и т.д. Во втором — дискурс это текст только с одной вербальной составляющей. В этом смысле термин «дискурс» обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» КД, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Таким образом, дискурс в самом общем понимании — это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. А разницу между дискурсом и текстом Т.А. ван Дейк усматривает в том, что дискурс — это актуально произнесенный текст, а текст — это абстрактная грамматическая структура произнесенного (речь | язык, langue | parole, компетентность | произносимость). Дискурс — это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» — это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [там же].

Исходя из вышесказанного, следует допустить возможность двойного толкования совокупности текстов в зависимости от того, под каким исследовательским углом зрения они рассматриваются. В тех случаях, когда анализу подлежат грамматические конструкции или словарные единицы, мы говорим о феномене текста, в иных, когда эту же совокупность текстов анализируют с учетом всего того, что их окружает, то есть по принципу «текст и вокругтекстовый фон», следует говорить о дискурсе [11, 135]. Такой подход к объекту исследования созвучен концепции Т.А. ван Дейка, в соответствии с которой рассмотрение принципов функционирования языка в обществе ведется не только с точки зрения прагматических подходов к дискурсу, но также с учетом определенных социальных факторов (мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус и т. д.); определенным образом акцентируются личностные характеристики носителей языка с их намерениями, чувствами, эмоциями и пр. [10, 25].

Напомним, что сложность в дифференциации рассматриваемых понятий возникает из-за подо-
бия их существенных признаков, и прежде всего принципиальной безграничности. Существующие схемы построения и структурные типы текстов (фрагментов, абзацев, сверхфразовых единств и др.) не противоречат принципиальной безграничности текстовой деятельности. В устной речи также имеются определенные представления о начале и конце коммуникативного акта (события). По сути, все мы пишем один большой текст (или проговариваем одно устное речевое произведение) [6, 7].

О бесконечности речевой деятельности в свое время высказался Хомский. В одном из интервью, он обратил внимание на то, что язык — это центр нашего бытия, мы постоянно в него

погружены, и нам приходится делать над собой огромное усилие, чтобы, передвигаясь по улице, не вести беседу с самим собой, что постоянно с нами и происходит. Другими не менее важными свойствами текста и дискурса являются *связность*, как одна из сторон безграничности, и *цельность*, которая связана с коммуникативным фокусом текста, его общей функциональной направленностью, целью употребления. У дискурса это свойство отражает принципы отграничения его фрагментов [там же, 7].

Как пишет В.Е. Чернявская, само понятие целостности, цельности текста получает свое реальное наполнение и осмысление через неразрывную связь с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном. На ее взгляд, данные языковой системы (то есть, интралингвистический аспект) недостаточны для раскрытия специфики целого текста. Сущность последнего может быть объяснена только при учете коммуникативного, социокультурного, когнитивного факторов, сплетенных с собственно лингвистическими [11, 134]. Наиболее убедительным представляется разделение понятий «текст» и «дискурс» через процедуру их анализа. Если первый направлен на внутренние (внутритекстовые) отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то второй характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса [там же, 135].

Приняв во внимание вышеприведенные критерии разделения текста и дискурса, обратимся к текстам, возможность однозначной интерпретация которых оказывается, на мой взгляд, затруднительной. Первый представлен текстами, напечатанными на современных англоязычных суперобложках. Это своего рода рекламные плакаты, содержащие важную информацию об авторе, аннотацию к изданию, цитаты из рецензий, небольшие изобразительные элементы и пр. Цель такой обложки — привлечь внимание читателя, сделать ее привлекательной, максимально соответствующей содержанию книги. Оформление, полиграфия играют в этом не последнюю роль. Современные авторы понимают, что подойти к выпуску своей книги нужно ответственно, ведь внешняя привлекательность издания — это первая ступень к успеху, и потому книга должна выглядеть максимально красиво. Ср. напр.: на рис. 1 и 2 представлены суперобложки разных по стилю и жанрам книг. В первом случае это научный жанр, а во втором — художественный. Тексты такого типа относят к многомерным, поликодовым феноменам, определяющими свойствами которых являются неоднородность и гетерогенность как на уровне формы, так и содержания. Как утверждает В.Е. Чернявская, «материя» такого текста соткана из многих различных эле-

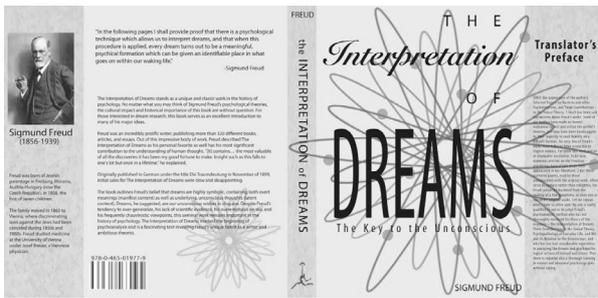

Рис. 1

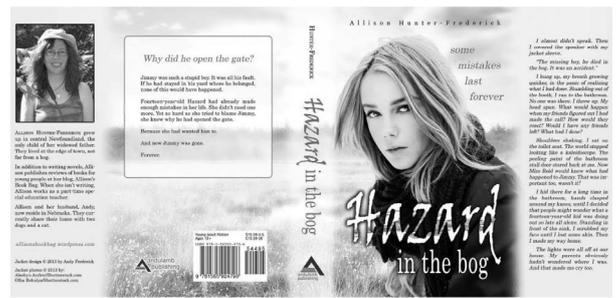

Рис. 2

ментов, существенно влияющих на восприятие текстового целого, которое содержит не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветовое оформление — то, что называется текстовым дизайном (Textdesign) [11, 83].

Представленные к рассмотрению тексты соответствуют именно этому типу. Они включают названия книг, фамилии авторов, их краткие биографические справки, цитации, в том числе предисловие переводчика книги З. Фрейда “Interpretation of Dreams” на рис. 1 и пр. Насыщенность невербальными компонентами на рис. 1, где представлен научный жанр, ожидается уступает тому, что мы видим на рис. 2, то есть в случае художественного жанра. В частности, рис. 2 содержит фотографию автора и главной героини книги на фоне пространства, подобного полю или лугу. Несмотря на существование некоего списка общих требований к таким рекламно-информационным текстам, издательские коллективы часто вносят индивидуальную составляющую, которая позволяет их разнообразить.

В литературе рассматриваемый тип определяется как коллажный, креолизованный, вторичный текст, коммуникативная величина которого не ограничивается лишь вербальной составляющей. Для обозначения таких текстов используют термин «коммуникат», появившийся в научных дискуссиях одновременно с обсуждением «семиотической и культурологической экспансии» в область текста. Это послужило поводом для специалистов, работающих в лингвистике текста, говорить о размывании границ текста и относительности самой этой базовой лингвистической категории [11, 88].

Действительно, ответить на вопрос: следует ли обсуждаемые явления рассматривать в рамках лингвистики текста — не просто, имея в виду их коммуникативно-прагматическую установку. С другой стороны, следуя в русле концепции, рассматривающей текст как артефакт, результат целенаправленной деятельности субъекта, эта задача не представляется невыполнимой. Более того, коммуникативная структура таких текстов,

как минимум, по одному из параметров не соответствует схеме Р. Якобсона: референт—адресант—сообщение—адресат—код. В данном случае автор сообщения—неизвестен. Это, как правило, анонимная группа копирайтеров и художников, работающая на издательство. Коллективный адресант не выполняет две из постулируемых ему функций — эмотивную и фатическую. В этом случае контакт между участниками коммуникации отсутствует. Коллаж действительно содержит сообщение, которое понимается как процесс и результат порождения речи, то есть текст. Из этого мы и будем исходить.

Еще одним не менее интересным примером неоднозначного толкования служат тексты английского эпистолярного жанра — письма, датируемые XVI–XVII ст. Ср., напр.:

На рис. 3 и 4 представлены образцы переписки между Елизаветой Стюарт, королевой Богемии,

Elizabeth Stuart, Queen of Bohemia, to her brother James VI

Right high right excellent and mighty prince, our dearest brother and cousin, we greet you well. Our servant, Robert Bowes, holding the place of our ambassadour with you, hath, upon vrgent cause concerning himself in his perticuler state, humbly signified his desier to haue some small tyme graunted vnto him for his repayre into Yorkshire and the bissoprike of Durham, the places where his landes and lying doo laye, wherein he having receaid som hurt and detriment since the time of his absence, through the charge he hath from us with you, is in danger of furdre losse if he may not in tyme prevent the same; we haue, therefore, bene pleased for our parte to condescend to his humble request herein, as a matter very reasonable to be graunted him, as we thinke yourself will also judge of it, and be pleased to gyve your good liking and assent therunto, which we desier you to doo, not doubting but in six or eight weekes he shall settle and compound his causes in such good sorte as to return again well furnished to the place of his charge with you, to your good contentment. And so, right high right excellent and mighty prynce, and dearest brother and cousin, in our most affectionate manner we commend vs to you, and you in the protection of Almighty God. Given at our mannor of Richmond, the xvijth of October, 1591.

Your loving sistar and cousin,
[Addressed,] ELIZABETH R.
To the right high right excellent and mighty prince, our dearest brother and cousin, the king of Scotland.
[Indorsed,] 1591. 3 Nouemb. Delyvered be Mr. Bowes.

Рис. 3

Madame and derest sister, Your silence hath bein so long, and I haue so long awaited upon your breaking thair of, that I am forced now at last to remember you again by this few lines. I haue written thrie letters unto you, and has never as yett recaved answer of any of them, aither by word or write, wich movis me to thinke that my lettres neuer came to youre hands, especially my last, quhairin I wrote als plainly, and als louingly, unto you as I could. Quhat can I thinke, except that aither ye haue bein by sume greatly abused, or els in other weghtie affaires greatly distracted? Howsomever it be, I am sure ye could not haue taken a greater tryall of my patience; but presupposing that my lettres came neuer to youre hands, yet could you not be ignorant of the subject of thaim, als well by Bukleuche his detaining in Barwick, as by Robert Tousies endles detaining thair. As for Bukleuche, I thought the greate care and pains that all this year I had takin in the bordor matters, togither with his delyuerie, had geuin als muche prooffe of my good will as deserued at the least ane anser, if not thanks. For my part, I am ready to perfyte the entrie of the all pledges; but if that course lyke you not, as it appearis by your long delays, I wold lykwaies know it. And as for Robert Tousies carand, it is turned from one honorable annuitie to a volantarie uncertaintie almost after long begging, and now, at last, to als muche worse than nothing, as there is tyme spent in the seeking of it. I pray you, madame, excuse my impatience in this; it is no wonder I wearie to be so long time sutire, as one who was not borne to be a beggar, but to be beggit at. A short refusall had les displeasid me than any anserlesse and disdainfull delay. Remember, that as I ame your kinsman, so am I a true prince. The disdainning of me can be noe honor to you. The use of tempting your freinds so sore cane turne you to no advantage. If you thinke my frendshipe worthie that annuitie, remember, *qui cito dat bis dat*. Let not the circumstances of the giver disgrace the gifte, for I wearie to be a suter, and for your pleasure I will promeis neuer to challenge that debt any more if ye will not be contente als frielle to pay it as freelle ye promisit it. I must, once again, pray you to excuse my impatience, for thaire cannot a greater greif cum to an honest hairt than to be slightied be thaim at quhose handis he hath deseruid so as my conscience bearis me upright recorde I have euer done at youris. My faulte is the lesse that I complaine of you to your selfe; and I will yet hope that ye will giue furth a just sentence in my favour, and applaud my free speaking in pleading my just cause. And thus, madame and dearest sister, I committ you to the tuition of the Almighty. From Holyrud house, the 24th December, 1591.

Your most louing and affectionat brother and cousin,
JAMES R.

Рис. 4

и Яковом VI Шотландским, впоследствии Яковом I Английским. Тексты этих писем интересны не только этикетными формулами, особенностями грамматических конструкций, но и личностями самих авторов. Из обращений, предвещающих тексты данных писем, следует, что Яков и Елизавета являются близкими родственниками, братом и сестрой. На самом деле, Яков — единственный сын Марии Шотландской (Стюарт). В исторических анналах Британии записано, что из восьми детей Якова и Анны Датской выжило трое, в том числе Елизавета Богемская и Карл I Английский. За свою жизнь харизматичная Елизавета написала сотни писем, в которых использовала секретные шифры, содержащие комбинации знаков разных семиотических систем.

Эпистолярное наследие ранненовоанглийского периода представляет собой разнообраз-

ный корпус писем, авторы которых принадлежали к разным социальным слоям населения. Английский эпистолярный текст, подобно любому иному в этом жанре, является аутентичным, основанным на действительных событиях из жизни авторов, обладающим референцией к конкретной коммуникативной ситуации. Отличительными особенностями таких текстов принято считать нарративность и модальность. В отличие от эпистолярного дискурса нового времени, он не отражает непрерывный коммуникативный процесс, связанный с определенными ситуациями и установками субъектов переписки. В этом случае мы задаемся вопросом о признании писем XVI–XVII ст. эпистолярным дискурсом. Согласно концепции Н.Д. Арутюновой, это оказывается невозможным, поскольку в письмах, дошедших до наших дней, мы видим не жизнь, а застывшую фотографию, натюрморт. Исследователю неизвестна вся совокупность социально-культурных, психологических и прочих интенций авторов, как в случае с Елизаветой Богемской, выступающей в роли просителя перед своим «братом», английским королем, за приближенную к ней особу.

В продолжение актуальной дискуссии о разделении текста и дискурса уместным, на наш взгляд, представляется выделение дифференцирующих признаков, позволяющих провести между ними разделительную черту. Наиболее исчерпывающий их список находим у Л.В. Селезневой [9, 212–213]. Обобщив различные дефиниции рассматриваемых понятий, она предложила различать дискурс и текст:

1) по признаку наличия / отсутствия процессуальности: «Лингвистика максимально сузила содержание понятия “текст”, ограничив его только материальной стороной и оставляя процессуальность для исследователей дискурса». Данное свойство интерпретируется как функциональность—структурность, процесс—продукт, динамичность—статичность. В соответствии с ними различают структурный текст как продукт и функциональный дискурс как процесс;

2) по признаку наличия / отсутствия прикрепленности ко времени. При этом отмечают «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает». В этом смысле текст лишен жесткой прикрепленности ко времени, и эти отношения носят опосредованный характер;

3) по признаку наличия / отсутствия актуальности. Так, дискурс, интерпретируемый как речь, «погруженная в жизнь», не используется обычно по отношению к древним и другим текстам, т. к. невозможно непосредственно восстановить их связи с социальной ситуацией. Признаком дискурса является актуальность как значимость его для современного момента;

4) по признаку устной / письменной формы. Если дискурс определяется как процесс использования языка в устной и в письменной речи, то под текстом обычно понимается «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ и пр., а также часть, отрывок из них)».

Рассмотренные подходы составляют лишь определенную часть существующих в лингвистике теорий и не исчерпывают весь спектр проблем, связанных с этой темой. Примеры текстов на суперобложках и образцов эпистолярного

жанра, предложенные для интерпретации в этой статье, убеждают нас в том, что проблема остается актуальной и ее разрешение зависит от установок национальных школ, сформировавшихся в последние десятилетия. Лингвистика дискурса нуждается не только в уточнении базового терминологического и понятийного аппарата, но и в надежной методологической основе, новых техниках анализа. Последнее является чрезвычайно важным ввиду однообразия используемых приемов, их неэффективности в исследовательском процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса / О.В. Александрова, Е.С. Кубрякова // Категоризация мира: пространство и время : матер. науч. конф / под ред. проф. Е.С. Кубряковой, проф. О.В. Александровой. — М. : Диалог-МГУ, 1997. — С. 15–25.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. — М. : Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. — С. 136–137.
3. Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) / Т.В. Белошапкова // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина. — 2008. — Вып. 5. — С. 215–218. — (Серия «Гуманитарные науки»).
4. ван Дейк Т.А. (1998). К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк. — Режим доступа : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
6. Кашкин В.Б. Дискурс : учеб. пособ. по спец. теоретическая и прикладная лингвистика / В.Б. Кашкин. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. — 76 с.
7. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук в виде научного доклада, составленная на основе ранее опубликованных работ : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.А. Кибрик. — М. : Ин-т языкознания РАН. — 90 с.
8. Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А.Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. — М. : Наука, 1987. — 280 с.
9. Селезнева Л.В. Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л.В. Селезнева // Вестник СВФУ им. Л.К. Амосова, 2011. — Т. 8, № 4. — С. 119–124.
10. Темнова Е.В. Основные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М. : МАКС Пресс, 2004. — Вып. 6. — 168 с.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособ. / В.Е. Чернявская. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
12. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. — 2003. — № 586. — С. 35–38.
13. Шевченко И.С. Дискурс и его категории / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. — 2011. — № 973, вып. 68. — С. 6–12.
14. Шевченко И.С. Дискурс и стиль: проблемы эвристики / И.С. Шевченко // Функциональная лингвистика. — 2012. — № 4. — С. 313–315.
15. Шевченко И.С. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории / И.С. Шевченко // Лингвистические исследования : сб. ст. ЕГУ. — Ереван : Лимуш, 2015. — Вып. 5. — С. 146–158.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Stapleton, Thomas, and Edward Plumptre. Plumptre Correspondence: A series of letters, chiefly domestic written in the reigns of Edward IV. Richard II. Henry VII and Henry VIII. — 1839. — Vol. 4. — P. 170–188. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://archive.org/stream/plumptrecorresp00plumgoog#page/n326/mode/2up>
2. Wood, Mary Anne Everett, ed. Letters of Royal and Illustrious Ladies of Great Britain: from the Commencement of the Twelfth Century to the Close of the Reign of Queen Mary. Henry Colburn, 1846. — P. 172–176 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://archive.org/stream/lettersroyaland04greegoog#page/n198/mode/2up>